

— Жун Юй, ты действительно стал смелым? Осмелился указывать своему дяде?

О, я чуть не забыл, ты теперь не такой, как раньше. Теперь ты связался с каким-то простоватым нуворишем из семьи Цинь и даже собираешься жениться.

Ха-ха-ха, племянник, молодец!

Жун Фу почти выкатил глаза, его лицо исказилось от ярости, словно он готов был съесть Жун Юя.

— Я был на пути к получению крупной суммы денег, но теперь все пропало. Это из-за тебя и того богача по фамилии Цинь, верно?!

Теперь ты осмелился поднять на меня голос из-за какого-то дурацкого пакета? Кто ты такой? Ты просто несчастливчик.

И твой брат, и твоя мать... Если бы они не поехали к твоим бабушке и дедушке, разве твой отец попал бы в аварию?

Самолет спокойно летел в небе, как он мог упасть? Почему именно в тот раз, когда твоя мама была на борту, произошла трагедия?

— Нет!

Самое болезненное место Жун Юя было задето словами Жун Фу, и хрупкая психика Омеги рухнула.

— Дядя, как ты можешь так говорить? Мои родители и все, кто был на том самолете, погибли. Это была авария, которую никто не мог предотвратить!

Жун Фу приподнял бровь, наблюдая, как слезы катятся по щекам Жун Юя, и это только раззадорило его.

— Ты говоришь, что это не так? Несчастливчик, и еще маленький несчастливчик, нашей семье Жун действительно не повезло.

Ты еще хочешь, чтобы я отказался от этого дома престарелых? Я тебе сейчас заявляю: ничего не выйдет!

Мужчина тыкал пальцем в нос Жун Юя.

— Этот дом престарелых изначально принадлежал моему родному брату, а теперь он мой. Я не отдам его тебе.

Ты вообще не имеешь к этому месту никакого отношения. Если мы его продадим и получим крупную сумму, тебе ничего не достанется!

Жун Юя тошнило от постоянных упоминаний денег и отсутствия связи с домом престарелых. Слезы, как жемчужины, катились по его щекам, и он чувствовал себя полностью разочарованным в этом последнем родственнике.

— Ты всю жизнь был безразличным и жил за чужой счет. Когда ты очнешься?

Даже самая простая работа могла бы обеспечить тебе жизнь. Зачем заниматься воровством и вызывать презрение окружающих...

— Ты не имеешь права меня учить!!

Жун Фу закричал в ярости и, закончив, поднял руку, чтобы вытолкнуть Жун Юя за дверь и захлопнуть ее.

Жун Юй не успел сопротивляться, как его дядя вытолкнул его за порог, но вместо ожидаемого падения на землю он оказался в теплых и крепких объятиях, пропитанных глубоким ароматом сандалового дерева.

Он поднял голову и увидел красивое, но холодное лицо мужчины.

— Брат Цинь...

Мужчина кивнул, одной рукой обнял его и вошел в дом.

— Глупыш, опять тебя обидели?

Затем он встретился взглядом с Жун Фу, в глазах которого читалась растерянность.

— Я слышал все, что вы сказали. Дядя Жун, я тот самый нувориш, о котором вы говорили.

Дерзкая улыбка Цинь Чэна заставила Жун Фу отвести взгляд, не решаясь встретиться глазами с молодым и уверенным Альфой.

— Вы сказали, что я и Сяо Юй скоро поженимся, так что теперь вопросы, связанные с домом престарелых, — это наши семейные дела. Дядя, если вы не хотите передать права собственности Сяо Юю, то, думаю, я сам подхожу на эту роль.

Жун Фу стал еще более нервным, но, учитывая внушительную ауру и власть Цинь Чэна, не осмелился вести себя так, как раньше с Жун Юем.

Цинь Чэн продолжил спокойно:

— По сути, дядя, вам просто не хватает денег, верно?

Я, как нувориш, не испытываю недостатка в деньгах. Вы умный человек и понимаете, что не стоит идти против денег.

Сегодня я пришел сюда по делам к Сяо Юю, так что не хочу тратить здесь время.

Завтра утром вы должны оформить передачу прав собственности Сяо Юю. То, что вы хотите, я вам дам. Как насчет этого?

Тон Цинь Чэна звучал как предложение, но на самом деле это был приказ.

Его пронзительный взгляд ясно давал понять, что, если Жун Фу не согласится, ему придется несладко.

Кроме того, Цинь Чэн пообещал деньги, а Жун Фу, хоть и трус, но был жадным до денег. Он знал, что Цинь Чэна лучше не злить, поэтому фыркнул и выбежал из дома престарелых.

Жун Юй, наблюдая, как он убегает, с тревогой схватил Цинь Чэна за рукав, пытаясь остановить его замысел.

— Брат Цинь, как ты можешь давать ему деньги?! Мой дядя — заядлый игрок и негодяй. Сколько бы ты ему ни дал, когда у него закончатся деньги, он снова придет к тебе!

Цинь Чэн знал, как справляться с такими людьми. Он лишь усмехнулся и даже нежно ущипнул слегка покрасневший нос Жун Юя, глядя на его серьезное и милое выражение лица.

— Не беспокойся об этом. Мне больше интересно, почему все в вашей семье любят давать людям прозвища?

Я нувориш, это общеизвестно, но где я простоват? Мое созвездие — Венера, понимаешь?

Жун Юй рассмеялся, в уголках его глаз еще оставались следы слез.

— Как ты нашел меня здесь?

Мужчина усадил его на пассажирское сиденье и завел машину.

— Искал тебя, чтобы пообедать с Цзя Яо и остальными. Зашел в кондитерскую, где работаешь, и мне сказали, что ты здесь. Эй, твой дядя действительно болен, старый человек, а ведет себя как непослушный ребенок.

Жун Юй смущенно опустил голову.

— Прости, брат Цинь, я такой бесполезный, и опять ты стал свидетелем моего позора.

Цинь Чэн вздохнул и нажал на газ, чтобы скорость развеяла негативные эмоции Жун Юя.

Место для обеда находилось у подножия небольшой горы на окраине города. Это была усадьба в деревенском стиле, которую открыл родственник одного из друзей Цзя Яо.

Хотя яркие и пестрые украшения выглядели немного старомодно, говорят, что еда здесь была просто восхитительной.

Так как время обеда еще не наступило, они заказали столик и блюда, а затем, следуя указаниям хозяина, отправились на полпути в гору, чтобы полюбоваться видами.

Гора сильно отличалась от городского пейзажа. Здесь даже были целые рощи с красными листьями.

Легкий ветерок разносил красные листья, создавая прекрасную атмосферу. Цинь Чэн помогал Жун Юю фотографировать пейзажи.

Линь Синчжи тоже любовался падающими листьями, а Цзя Яо все время спрашивал, продается ли гусь, которого держали в соседнем доме.

— Тетя, это утка или гусь?

— Ага, это гусь. А вы его продаете? Я хочу купить одного, чтобы приготовить.

— Что? Не продаете? Да ладно, тетя, цена договорная, продайте мне одного...

Линь Синчжи вздохнул.

— Ты портишь всю атмосферу. Единственное, что тебя интересует, — это еда.

Цинь Чэн усмехнулся.

— «Продается ли?» Гусь, услышав это, только головой покачал.

Жун Юй едва сдерживал смех, и фотографии получились размытыми.

Когда они спускались с горы, Цзя Яо действительно купил гуся.

Он держал его за корни крыльев и нарочно подносил клюв к руке Жун Юя, заставляя того прятаться за Цинь Чэном.

— Сяо Юй, чего ты так боишься? Ха-ха-ха, тебя когда-нибудь клюнул гусь?

Жун Юй смутился. Он случайно видел в интернете видео, где гусь кусает людей, и теперь, увидев его вживую, естественно, испугался.

— Нет... Я просто... Просто боюсь...

Он держался за рукав Цинь Чэна и тихо позвал:

— Брат Цинь...

Цзя Яо услышал это и снова рассмеялся.

— Старик Цинь, ты не справляешься! Ха-ха-ха, Сяо Юй до сих пор так официально называет тебя «братом Цинь»?

Вы же собираетесь пожениться, я думал, вы уже перешли на «муж» и «жена»...

Не успел он закончить, как Линь Синчжи закрыл ему рот рукой.

— Цзя Яо, тебе нужно записаться на курсы языка, иначе ты рано или поздно погубишь себя своими словами.

Цинь Чэн еще не нашел подходящего момента, чтобы рассказать своим друзьям, что его брак с Жун Юем — фиктивный. Поддразнивая Цзя Яо, он забрал у него гуся.

— Сяо Юй, смотри, я отомщу за тебя!

— Ой, Цинь! Убери эту штуку подальше от меня! Линь, спаси меня!

В итоге все четверо наблюдали, как работники усадьбы разделявали гуся, а непослушный Цзя Яо снова начал шутить:

— Вдохновленный этим моментом, я посвящаю вам стихотворение, каш-каш:

Гусь, гусь, гусь, шея срезана, перья ошпарены~ Гусь в горшке!

Ха-ха-ха, отличное стихотворение, очень... мокрое, вы согласны?

Он упал на колени Линь Синчжи, но тот оттолкнул его.

Затем он попытался подойти к Цинь Чэну, но тот посмотрел на него с угрозой.

— Черт, ты предал дружбу ради любви. Я хотя бы стихи сочиняю, а ты что можешь? Только

страшилки рассказывать.

Кошачьи уши Жун Юя начали шевелиться.

<http://bllate.org/book/16806/1545431>